

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-50-61

ВОПРОС О ЯЗЫКЕ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ: КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ВАРИАТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Надежда Борисова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

Этноязыковая сложность, которая проявляется в значительных разрывах между размером групп, или наличии двух и более примерно соотносимых по размеру групп вкуче с их неравномерным пространственным распределением в границах региона, является потенциальным фактором, оказывающим влияние не только на практики и структуру межэлитных отношений, но и на политизацию этничности. На основе подхода Р. Брубейкера к пониманию этничности как дискурсивного результата ситуативных действий, замысла и реализации разнообразных политических проектов, не обязательно имеющих отношение к сфере этноязыкового регулирования, и даже случайных событий, а также идеи Н.Мухарямова о взаимосвязанности «политики языка» и «языковой политики» предлагается к объяснению связь между структурными факторами масштаба признания языка меньшинств и субъектным составом политики языка, а также стратегий языковых конфликтов на региональном уровне в Татарстане, Башкортостане, Удмуртии и Пермском крае.

Ключевые слова: языковая политика; Татарстан; Башкортостан; Удмуртия; Пермский край; политика языка; языковой конфликт.

Этноязыковое меньшинство и большинство в пространственном отношении относительны. Так, русские в Российской Федерации, безусловно, являются большинством, составляя, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. 77,71 %¹. В свою очередь, татары составляют только 3,72% от общего числа граждан РФ. Однако, в Татарстане, где они являются титульной группой, их доля составляет 53,15%, что обуславливает их доминирующее положение в структуре населения республики, в то время как доля русских составляет, согласно Всероссийской переписи, 39,65%. Еще больший разрыв между размером титульной для субъекта РФ группой и русскими, а также другими этноязыковыми группами, характерен для республик Северного Кавказа. Так, например, доля титульной группы Республики Северная Осетия – Алания – осетин – составляет 65%, доля русских – около 21%, а оставшиеся 15% в структуре этноязыковой структуре населения приходятся совокупно на ингушей, армян, кумыков, грузин, турков, украинцев, азербайджанцев, кабардинцев, чеченцев и других. В свою очередь, чеченцы, будучи титульной группой в Республике Чечня, составляют чуть более 95% населения, а оставшиеся 5% приходятся на русских, кумыков, аварцев, ногайцев. Еще более сложной является этноязыковая структура республики Дагестан, где формально нет титульной группы, русские составляют 3,6% населения, самой большой группой являются аварцы (29,4%), далее идут даргинцы (16,96%), кумыки (14,9%), лезгины (13,3%), лакцы (5,6%) и т.д.

Этноязыковая сложность, проявляющаяся в значительных разрывах между размером групп, или наличии двух и более примерно соотносимых по размеру групп вкуче с их неравномерным пространственным распределением в границах региона, является потенциальным фактором, оказывающим влияние не только на практики и структуру межэлитных отношений, но и на политизацию этничности. Однако едва ли сама по себе сложность – это единственный и политически значимый фактор, запускающий этнополитические конфликты. Сообразно логике Р. Брубейкера, следует подчеркнуть, что не этничность является источником конфликта, а, скорее, «битвы за власть» этнизируются и политизируют этничность (Брубейкер, 2012: 171). Более того, в конструктивистской логике, которая допускает применение фрейм-анализа, этничность не является качеством группы изначально и постоянно: она осознается, воспроизводится в интерпретативных практиках социально-политической коммуникации. В связи с этим возникает вопрос: что помимо разнообразной этноязыковой сложно-

© Борисова Н. В., 2020

¹ Здесь и далее: Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав, владение языками и гражданство. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.02.2018).

сти актуализирует и воспроизводит этноязыковые конфликты в полиэтнических регионах современной России? На основе подхода Р. Брубейкера к пониманию этничности как дискурсивного результата ситуативных действий, а также идеи Н. Мухарямова о взаимосвязанности «политики языка» и «языковой политики» предлагается к объяснению связь между структурными факторами признания языков прав и субъектным составом политики языка, а также стратегий языковых конфликтов на региональном уровне в Татарстане, Башкортостане, Удмуртии и Пермском крае.

Теоретическая рамка. Теоретически важным для настоящего исследования является подход Р. Брубейкера к пониманию этничности как дискурсивного результата ситуативных действий, замысла и реализации разнообразных политических проектов, не обязательно имеющих отношение к сфере этноязыкового регулирования, и даже случайных событий. Идея Н. Мухарямова (Мухарьмов, 2017) о взаимосвязанности «политики языка» и «языковой политики» (language policy и language politics) позволяет учитывать структурные факторы масштаба признания языка меньшинств (Liu, 2015), роль субъектного состава языковой политики, целей и ресурсов субъектов, а также характеристик складывающихся альянсов и коалиций по поводу языка, их связи с группами поддержки и спросом в сообществе на эту политику. При этом методологически важной является также идея «критического момента» (Cardinal, Sonntag 2015) – события, запускающего спор о языке.

Языковой режим как разновидность социального порядка является результатом реализации языковой политики и постоянного воспроизводства институциональных практик использования языка(ов) в сообществе. Акцент на каузальной связи между языковой политикой и языковым режимом позволяет выявлять и оценивать связь между содержанием и направленностью языковой политики и характером языкового режима с точки зрения этноязыковой связанности/разобщенности сообщества. При этом, языковая политика рассматривается в качестве рутинизированного курса, между агентами и бенефициарами которого существуют устоявшиеся как административные формальные, так и неформальные отношения и практики взаимодействия. Ситуация «критического момента» запускает / актуализирует конфликт, который выводит вопрос о языке в *политическую* область, т.е. его обсуждение становится более публичным и значимым как для элит, так и для рядовых членов сообществ – носителей языка. Принятие решения о ревизии содержания языковой политики, пересмотр ее характера и масштаба также оказываются в такой ситуации актуальными пунктами публичной медийной и политико-административных повесток. Политическая [субъектная] воля и практики этнополитической мобилизации в сообществе, таким образом, являются маркерами политики языка. Политическая субъектность проявляется в разработке, принятии и реализации преференциальных решений относительно статуса и возможностей языка и его носителей. В свою очередь, практики этнополитической мобилизации осуществляются через артикуляцию запроса на языковую политику на разнообразных аренах публичного и политического взаимодействия (Тишков, 2019: 129).

Эмпирические данные и методы исследования. Данное исследование выполнено на основе данных, собранных в ходе реализации проекта «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах», поддержанного РФФИ (№ 18-011-00763 А). Одним из эмпирических результатов стало создание базы данных «Языковые меньшинства и языковая политика в регионах России». Эти данные разнообразны и позволяют выявить актуальные и потенциально конфликтные ситуации, связанные с вопросом о языке и регионах РФ.

Единица наблюдения в настоящей базе данных – «языковое меньшинство – регион». К языковым меньшинствам, в соответствии с замыслом исследования, отнесены все, за исключением русских, этнолингвистические группы, которые по методологии Всероссийской переписи населения 2010 г. и Переписи населения 2014 г. (Республика Крым и г. Севастополь) отнесены к категории «наиболее многочисленных национальностей» (составляют не менее 0,3% от числа жителей региона, указавших национальную принадлежность). Таким образом, база содержит 589 единиц наблюдения, сгруппированных в 9 секций.

Секция «Демографические характеристики» сформирована на основе результатов Всероссийской переписи населения 2010 г. (Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство»; соответствующие разделы региональных итогов переписи), (Раздел IV «Национальный состав и владение языками, гражданство») и Переписи 2014 г. в Крыму и Севастополе¹. По каждому случаю наблюдения указаны: численность населения региона (чел.); доля русских от численности населения региона; значение индекса фракционализации Алезини; численность языкового меньшинства (чел.);

¹ Перепись населения в Крымском федеральном округе со 100-процентным охватом населения 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 22.06.2018).

доля языкового меньшинства от численности населения региона; численность представителей языкового меньшинства, которые относятся к городскому населению; доля городского населения в составе языкового меньшинства; доля представителей языкового меньшинства, владеющих русским языком; доля представителей языкового меньшинства, владеющих родным языком.

Секция «Локализация языковых меньшинств в физическом пространстве региона» содержит данные о пространственных характеристиках языковых меньшинств. Анализ данных предварительно выполнен на основе комбинации базы данных «Geo-referencing of ethnic groups» (GREG) и «Geo-referencing Ethnic Power Relations» (GeoEPR). Эти базы разработаны на основе «Атласа народов мира», созданного в 1964 г. советскими этнографами. Привязка этнических групп к территориям позволила выделить полигональные объекты (полигоны), накладываемые разными слоями друг на друга. С помощью программы ArcGIS на эти слои были наложены географически привязанные данные по внутренним административно-территориальным границам субъектов РФ из базы «Global Administrative Areas» (GADM). Структурно вторая секция включает следующие переменные: размер полигона языкового меньшинства; конфигурация полигона языкового меньшинства; локализация языкового меньшинства в соотношении с другими этническими группами (сегрегированное versus смешанное проживание).

Секция «Статус языковых меньшинств» включает данные, которые позволяют дать характеристику публично-правовому статусу группы. Речь идет о выделении «титульной группы». Условием отнесения к титульной группе является совпадение этнонима, лингвонима языкового меньшинства и их титульность для названия региона. Кроме того, в секции фиксировалось наличие / отсутствие «родственное» этноязыковой группе государства, наличие / отсутствие «родственного» группе субъекта в составе Российской Федерации, а также имеющие статус «коренных малочисленных народов Севера» (КМНС).

Секция «Законы о языке субъектов РФ» агрегирует информацию о законах и о языках меньшинств, которые по состоянию на 2020 г. приняты в 20 этнических республиках и 2 краях. Характеристика законодательства осуществлялась исходя из следующих переменных: статус языка группы в соответствии с законом, наличие / отсутствие права получать образование на родном языке; язык законодательства; язык официального делопроизводства; наличие / отсутствие права выбора языка при обращении в органы власти; язык правосудия; язык референдумов / голосования, язык СМИ; язык топонимов; язык в международных отношениях. Выделенный спектр возможных характеристик содержания регионального законодательства о языке(ах) позволяет выявить масштаб возможного / допустимого использования родного языка на аренах официального и публично-правового взаимодействия.

Секция «Государственные программы субъектов РФ в сфере политики в отношении языковых меньшинств» включает данные о содержании государственных программ, тематически связанных со стратегическим планированием в области языковой политики и языкового регулирования. Речь идет о программах, которые были приняты и реализуются в субъектах РФ в период с 2012 по 2020 гг. Были проанализированы, во-первых, отдельные государственные программы (или подпрограммы в других программах) субъектов РФ, непосредственно решающие задачи сохранения, развития и изучения языков народов регионов РФ. Во-вторых, это отдельные госпрограммы / подпрограммы в других программах субъектов РФ, касающиеся регулирования и развития сферы, прежде всего, школьного образования, в которых есть мероприятия по поддержке языков народов региона. В-третьих, отдельные государственные программы / подпрограммы в других программах субъектов РФ, направленные на регулирование и реализацию национальной политики (например, гармонизация межнациональных отношений). Как в случае второго типа программ, анализировались разделы/мероприятия, касающиеся вопросов о языках народов региона. Всего был отобран и проанализирован 171 документ, в каждом из которых 1) зафиксировано упоминание этноязыковой группы и ее языка; определен исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, к компетенции которого отнесены функции по реализации на региональном уровне языковой политики; 3) зафиксировано наличие/ отсутствие упоминания НКО, название которой(ых) содержит этноним, что интерпретируется в качестве указания на внимание, публичный статус и потенциальные предпочтения данной этноязыковой группы.

Секция «Этнические НКО, СМИ и участие языковых меньшинств в КСО» содержит информацию из Перечня наименований зарегистрированных СМИ, размещенном на официальном сайте Роскомнадзора; данные об этнических НКО с сайта Минюста РФ; информацию о составах консультативно-совещательных органов в сфере этнической политики, созданных при органах государственной власти субъектов РФ. В случае СМИ фиксировалась информация о языках, в отношении которых по-

лучено разрешение на печать при регистрации в Роскомнадзоре. В отношении НКО включена информация об их количестве, а описание КСО включает информацию представленности / непредставленности в них конкретной этноязыковой группы.

Секция «Изучение языков меньшинств в средней общеобразовательной школе» сформирована на основе статистической отчетности Министерства образования и науки РФ об изучении родного языка в средних общеобразовательных школах в разрезе субъектов за 2015–2016 учебный год (Форма Д7)¹. Информация распределена по следующим переменным: 1) общее количество школ и общая численность учащихся в регионе; 2) количество школ с обучением на языках меньшинств («национальные школы») и количество учащихся в них; 3) количество школ с изучением языков меньшинств и учеников, изучающих их. Информация дана в разрез городских и сельских государственных и негосударственных образовательных учреждений.

Секция «Языки меньшинств в медиа-повестке» содержит информацию, полученную в результате поисковой работы с базой данных «ИНТЕГРУМ» (октябрь 2020 г.). Поисковый запрос осуществлялся отдельно для федеральной и региональной прессы, информагентств, интернет-изданий, ТВ и радио, а также архивам СМИ. Общее количество проанализированных федеральных источников составляет 1 578, а региональных – 5 200. Анализ осуществлен по двум периодам: 1 января – 31 декабря 2015 г. и 1 января – 31 декабря 2017 г.

Секция «Судебная практика в сфере языковых прав меньшинств» сформирована на основе данных, полученных в результате работы с ГАС «Правосудие РФ». Поиск осуществлялся по всем группам судебных актов, которые вынесены судами всех инстанций, организованными на территории РФ. Отдельно рассматривались данные за 2 периода: 1.01.2012 г. – 31.12.2017 г. и 1.01.2018 – 31.07.2020 г.

Выделение для восьмой и девятой секций двух периодов (до и после 2017 г.) связано с теоретическим замыслом исследования. Именно события лета 2017 г. рассматриваются как «критический момент», запустивший / актуализировавший политику языка и, как следствие, пересмотр содержания и масштаба языковой политики в регионах. При этом, ожидалось, что сценарии развития публичных споров и обсуждения языкового вопроса различались в регионах, что обусловлено не только структурными характеристиками регионального сообщества, но и региональной (субнациональной) традицией языкового регулирования и отношений региональных элит с федеральным центром, с одной стороны, а с другой, сложившимися практиками восприятия возможностей и ресурсов реализации права на родной язык в сообществе – среди его рядовых членов.

Также были проведены несколько серий экспертных интервью². В качестве экспертов выступили сотрудники вузов, научных организаций и учреждений, которые специализируются на изучении языковой политики и этнополитических конфликтов, а также включенные в обсуждение, принятие и реализацию языковой политики сотрудники государственных и муниципальных органов власти в регионах. Кроме того, интервью проводились с директорами, методистами школ, учителями родного языка, руководителями и сотрудниками методических объединений в региональных институтах повышения квалификации работников образования, которые курируют разработку и внедрение учебников и учебно-методических комплексов по родному языку, руководители и сотрудники муниципальных домов культуры, музеев, расположенных в населенных пунктах с компактным проживанием этноязыковых групп, руководители этнических НКО, журналисты и активисты, участвующие в обсуждении проблем организации изучения родного языка, его сохранения и поддержки.

Выбор четырех регионов (Татарстан, Удмуртия, Башкортостан и Пермский край) обусловлен следующими соображениями. Три республики выбраны по принципу максимального различия их этноязыковой структуры. В Татарстане титульная группа (татары) составляет большинство (53,15%), далее идут русские (39,71%): потенциально языковая политика должна быть максимально преференциальной для титульной группы, а в случае политики оспаривания, ее субъекты могут расширять масштаб применения и реализации преференциальных мер для сохранения / обеспечения позиций титульной группы. В Башкортостане доля титульной группы (башкиры) составляет только 29,49%, доля русских – 36,05%, а третья по размеру группа – татары (25,39%). Такая структура потенциально стимулирует большую конкуренцию этноязыковых сообществ, а, значит, в случае ограниченной пре-

¹ За более поздний период такого рода данные, размещенные в публичном доступе, отсутствуют.

² Интервью были собраны в Пермском крае летом 2018 г. в территориях компактного проживания носителей татарского, башкирского, удмуртского и марийского языков; осенью 2020 г. в Коми-Пермяцком округе; весной 2019 г. состоялась серия интервью в Республике Удмуртия, осенью 2019 г. – в Республике Татарстан, а летом и осенью 2020 г. – в Республике Башкортостан.

ференциальности языковой политики может создавать условия для потенциального языкового конфликта, преодоление которого требует не только пересмотра содержания языковой политики, но и создания коалиций, в состав которых входят представители этноязыковых сегментов (в логике А. Лейпхарта). В Удмуртии же доля титульной группы (удмурты) составляет только 28%, в то время как большинство составляют русские (62,22%). Это означает, что, скорее всего, языковая преференциальная политика будет носить ограниченный характер, а случаи ее оспаривания являются непубличными и единичными. Наконец, в Пермском крае, как единственном «неэтническом» регионе выборки, но с полиэтнической структурой, нет формально титульной группы. Большинство составляют русские (87,11%), а к «наиболее многочисленным национальностям» относятся татары (4,5%), коми-пермяки (3,2%), башкиры (1,3%), удмурты 0,8%. При этом, в отдельных территориях на муниципальном уровне их доля может достигать 70% и более. Кроме того, коми-пермяки являются титульной группой для Коми-Пермяцкого округа, составляя 59% населения, который в результате вхождения в 2005 г. в состав Пермского края потерял статус субъекта РФ. Однако в структуре правительства Пермского края было создано Министерство по делам Коми-Пермяцкого края, в ведении которого находится «осуществление мер по реализации основных направлений единой региональной политики по социально-экономическому развитию административно-территориальной единицы с единой территорией и особым статусом – Коми-Пермяцкий округ Пермского края (далее – округ) с учетом этнокультурных особенностей. <...> Создание условий для сохранения, развития и популяризации коми-пермяцкого языка, национальной (духовной) культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа»¹. Ожидается, что языковая политика и политика языка в Пермском крае похожи на удмуртский случай, но при этом языковая политика и вопрос о языке не является частью региональной медийной и административно-политической повестки, а запрос локальных элит и рядовых членов сообществ носит маргинализированный характер.

Языковая политика в современной России: региональное измерение

Характеристика языковой политики в регионах РФ требует обращения к дескриптивному анализу данных, собранных в базе «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах», поскольку исходя из теоретической модели набор и масштаб мер по поддержке языка, реализуемых на региональном уровне, исходя из логики Э. Лю обусловлены структурными характеристиками сообществ (Liu, 2015). Предварительный описательный статистический анализ, осуществленный в рамках настоящего исследования П. Пановым², показывает, что для современной России характерно практически 100% владение русским языком в большей части случаев, в то время как доля владеющих родным языком среди меньшинств – около 50% в среднем по России. Однако в региональном и даже внутрирегиональном измерении этот показатель вариативен. Так, наименьшее значение он имеет в Магаданской области, где доля владеющих ительменским языком в населении региона составляет 0,03%, что коррелирует не только с крайней малочисленностью группы (0,04%), но и свидетельствует о его исчезновении. Наибольшее значение показатель владения родным языком имеет в случае чеченского языка в Чечне – 99,73%, причем, доля владеющих чеченским языком вне Чечни тоже высока. Так, 44% живущих в республике Северная Осетия-Алания чеченцев (0,03% от населения региона) владеют родным языком. А в Астраханской области 93,28% чеченцев, которые составляют 0,07% населения региона, владеют чеченским языком.

Что характерно для четырех регионов, в которых проводились полевые исследования? Ситуация различается и значительно. Так, например, в Башкортостане, лучшие показатели владения родным языком не у титульной группы: только 67,77% башкир, согласно Переписи населения, говорят на родном языке, в то время как 81,7% чувашей владеют чувашским. Однако эти показатели следует соотносить с относительным размером группы и ее пространственной локализованностью. Если башкиры проживают во всех 57 муниципальных районах республики, то чувашаи – в 10, из которых только в 1 составляют треть населения (см. табл. 1).

¹ Об утверждении положения о Министерстве по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края: Постановление от 14 февраля 2014 г. N 82-п. [Электронный документ]. URL: <http://www.minkpo.permkrai.ru/about/thesis/> (дата обращения: 13.07.2020).

² Панов, П. База данных «Языковые меньшинства и языковая политика в регионах России». Statistics. [Архив проекта].

Таблица 1

Этнолингвистический профиль республики Башкортостан, 2010

Регион	Языковое меньшинство	Доля русских	Доля_группы	Доля_влад_русским_яз.	Доля_влад_родным_яз.
Башкортостан	Башкиры	0,3605	0,2949	0,9693	0,6777
Башкортостан	Татары	0,3605	0,2539	0,9873	0,6699
Башкортостан	Чуваши	0,3605	0,0270	0,9933	0,6461
Башкортостан	Марийцы	0,3605	0,0261	0,9792	0,7377
Башкортостан	Удмурты	0,3605	0,0054	0,9628	0,8170
Башкортостан	Мордва	0,3605	0,0051	0,9995	0,5121

Источник: База данных «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

Несколько иначе выглядит ситуация в Республике Татарстан, где доля владения татарским языком среди татар (титовая группа) составляет 92,74%. При этом, сопоставимы с соседним Башкортостаном характеристики по этим показателям у чувашей, удмуртов, мордвы. Косвенно эти показатели указывают на значимость не столько этнолингвистической структуры регионального общества, сколько масштаба и направленности языковой политики (см. табл. 1 и табл. 2).

Таблица 2

Этнолингвистический профиль Республики Татарстан, 2010

Регион	Языковое меньшинство	Доля русских	Доля_группы	Доля_влад_русским_яз.	Доля_влад_родным_яз.
Татарстан	Татары	0,3971	0,5324	0,9585	0,9274
Татарстан	Чуваши	0,3971	0,0308	0,9762	0,8238
Татарстан	Удмурты	0,3971	0,0062	0,9630	0,8319
Татарстан	Мордва	0,3971	0,0051	0,9955	0,6604
Татарстан	Марийцы	0,3971	0,0050	0,9751	0,7263
Татарстан	Башкиры	0,3971	0,0036	0,9919	0,4645

Источник: База данных «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

Кардинально отличаются на этом фоне Республика Удмуртия и Пермский край. Только 55,98% удмуртов (титовая группа) владеют родным языком; при этом доля владеющих родным языком татар и марийцев, проживающих в республике так же ниже, нежели в соседних двух республиках, где эти группы не являются титульными (см. табл. 3).

Таблица 3

Этнолингвистический профиль Республики Удмуртия, 2010

Регион	Языковое меньшинство	Доля русских	Доля_группы	Доля_влад_русским_яз.	Доля_влад_родным_яз.
Удмуртия	Удмурты	0,6222	0,2800	0,9927	0,5598
Удмуртия	Татары	0,6222	0,0674	0,9969	0,4302
Удмуртия	Марийцы	0,6222	0,0055	0,9932	0,6150

Источник: База данных «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

В Пермском крае лучшие показатели по владению родным языком у коми-пермяков, которые, однако, составляют 3,2% в населении региона. Среди них родной язык знают и используют 68,28%,

что чуть больше, чем среди башкир в Башкортостане и значительно больше, чем среди удмуртов в Удмуртии (см. табл. 4).

Таблица 4

Этнолингвистический профиль Пермского края, 2010

Регион	Языковое меньшинство	Доля русских	Доля группы	Доля влад русским яз.	Доля влад родным яз.
Пермский край	Татары	0,8711	0,0459	0,9803	0,5651
Пермский край	Коми-пермяки	0,8711	0,0322	0,9903	0,6828
Пермский край	Башкиры	0,8711	0,0130	0,9680	0,1897
Пермский край	Удмурты	0,8711	0,0083	0,9969	0,4663
Пермский край	Марийцы	0,8711	0,0016	0,9981	0,5333

Источник: База данных «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

Примечательно, что и в Татарстане, и в Пермском крае башкиры по сравнению с представителями других этнических групп демонстрируют значительно меньший уровень владения родным языком – 46,45 и 18,97% соответственно. Разрыв с ближайшими группами 20 и более процентных пунктов обусловлен, вероятно, особенностью не только языковой идентификации башкирского населения, но и существенной разницей в этнолектах – языках, которые в качестве родных считают представители башкирских общин, на что косвенно указывают интервью как со специалистами по языковой политике в Башкортостане, так и с лидерами башкирских НКО и этно-активистами в Пермском крае.

Данные Переписи указывают на то, что значение имеет масштаб признания и поддержки родного языка на региональном уровне. В РФ только в 24 регионах приняты и действуют законы о языках. В нашей базе – 178 единиц наблюдения (этноязыковых меньшинств). П. Панов отмечает, что «частотное распределение существенно меняется в пользу больших значений»¹. Следует отметить, что из 178 случаев 149 или 83,7% упоминаются в законах. Чаще всего в региональном законодательстве язык упоминается в связи с обеспечением права его носителей на изучение и получение информации на родном языке (образование и СМИ), в то время как право на использование языка в делопроизводстве, администрировании, законотворчестве, судопроизводстве упоминается реже. По оценкам П. Панова, титульность группы позитивно влияет на активность государственной национальной политики, в то время как наличие у группы kin-республики в целом не влияет, равно как и не имеет влияния статус КМНС. Анализ данных показывает, что в 12 случаях родной язык изучают более 50% учащихся, а в 15 – от 10 до 50%. И это все относительно титульного языка. Кроме того, обнаружена «достаточно сильная взаимосвязь изучения языка и активности в сфере СМИ, что опять-таки ожидается, так как «титульность» позитивно влияет на использование языка именно в сфере образования и СМИ, в то время как с активностью этнических НКО изучение языков меньшинств практически не связано»².

В большинстве регионов РФ не создается институциональных условий для функционирования билингвизма. Нормативно право на язык обеспечивается повсеместно через систему образования, в которой, однако, по оценкам экспертов, в последнее десятилетие сокращается количество «национальных школ», где обучение ведется в т.ч. и на родном языке³. Более того, в 428 случаях, из 589 внесенных в базу, язык меньшинства в регионе не изучается вообще. Это составляет 72,66% случаев. Представляется, что за пределами школы и даже на момент выхода из нее (выпускной ЕГЭ) родной язык оказывается не востребованным в публичном смысле. Язык оказывается по большей части инструментом коммуникации в частной сфере. Хотя, конечно, есть региональные вариации. Так, наши поездки по территориям Пермского края, Удмуртии и Татарстана свидетельствуют о том, что в публичной сфере (в госуправлении, торговле, общепите, в сфере культуры) татарский язык (исключительно как титульный) широко представлен и используется. Между тем «публичная сила» иных языков в Татарстане (например, удмуртского или марийского) несопоставима с ним именно по причине

¹ Панов П. База данных «Языковые меньшинства и языковая политика в регионах России». Statistics. [Архив проекта].

² Там же.

³ Экспертные интервью: Пермский край (лето 2018, осень 2020); Республика Удмуртия (весна 2019); Республика Татарстан (осень 2019); Республика Башкортостан (лето-осень 2020). [Личный архив проекта].

его статуса. Хотя, конечно, этноязыковая политика в республике широко поддерживает разнообразные языки. В Удмуртии использование языка, его публичное бытование вне школы или частных коммуникаций значительно ограничено. Это проявляется в т.ч. и в визуальном присутствии языка. Так, например, это хорошо было видно в Можге (Удмуртия) и Агрызе (Татарстан) – рядом расположенных территориях. Если в удмуртском муниципалитете и названия улиц, и вывески учреждений бюджетной сферы и органов МСУ преимущественно на русском языке, но в Агрызе (а это весьма удаленный от Казани район) все указатели и названия, все вывески и даже ценники в отдельных магазинах – на двух языках – татарском и русском. Такое присутствие в публичном пространстве родного языка является следствием языковой политики, которая в разных регионах оказывается разной по масштабу даже в деле поддержки титульного языка.

Анализ эмпирических данных (экспертных интервью, содержание федерального и регионального законодательства о языках и образовании, государственных программ по поддержке языков, содержание учебных планов и примерных образовательных программ) свидетельствует о том, что практика принятия политических и управленческих решений в области языковой политики, а также ее реализация обусловлены сложным наложением друг на друга общероссийских трендов на унификацию и региональных особенностей практик реализации решений центра. Федеральный центр очерчивает рамки и даже унифицирует, например, образовательную политику, в т.ч. и ту ее часть, которая связана с обеспечением права на родной язык. Но конкретные способы и варианты реализации политики осуществляются на нижестоящих уровнях – региональном и локальном (Тишков 2019). Именно агенты и бенефициары языковой политики на местах определяют ее содержание, создают и поддерживают среду и запрос на нее.

Сила «критического момента», актуализация языковых конфликтов и региональные модели решений

В июле 2017 г. на совещании Совета по межнациональным отношениям, которое проходило в Йошкар-Оле, Президент РФ В.В. Путин, выступая перед участниками, сказал, что «...Русский язык ничем заменить нельзя. Он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны... Языки народов России – неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как снижать уровень и время преподавания русского языка»¹.

После этого заявления, которое едва ли было случайным: как минимум параллельно с этим идут серьезные переговоры татарстанских властей с федеральным центром о пролонгации договора между Республикой и Федерацией. Сама формулировка президентского меседжа указывает на продуманность действий Кремля и его интенций. Путин в своем высказывании фреймирует ситуацию и ее возможную и допустимую интерпретацию в регионах: «...Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как снижать уровень и время преподавания русского языка». Это, безусловно, черный шар в адрес некоторых республик, среди которых и Татарстан, где на тот момент была институционализована практика обязательного изучения татарского как государственного языка.

Уже летом Рособрадзор и Прокуратура начинают проверки и далее издают предписания, которыми обязывают региональные министерства и местные департаменты образования, а также администрацию образовательных учреждений устранить существующие в практике организации обучения языку несоответствия федеральному законодательству. Во-первых, речь шла об изучении *родного* языка и только на условиях добровольного согласия учащихся в лице их законных представителей. Во-вторых, образовательный процесс должен быть обеспечен нормативно допустимыми учебно-методическими материалами – учебниками, внесенными в список, получивших гриф соответствия ФГОС.

Что означало исполнение предписаний контролирующих инстанций на практике? Во-первых, это организация изучения языка на добровольных началах. В процедурном отношении в школах был

¹ Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям (2017), *Официальный сайт «Первого канала»*. 20.07.2017. [Электронный ресурс] URL: 1tv.ru/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam (дата обращения: 06.11.2019).

организован сбор заявлений от родителей о согласии на изучение ребенком родного языка, что потребовало проведения родительских собраний, на которых давались разъяснения. Данные экспертных интервью свидетельствуют о том, что огромную роль в том, какой выбор сделают родители, играет позиция администрации, позиция и сила авторитета учителя-предметника. В каких-то случаях администрация дистанцировалась от процесса, отдавая на откуп учителю, который агитировал родителей, а в каких-то директор или завуч предпочитали держать «руку на пульсе». Где-то невключенность администрации ситуативно была обусловлена авторитетом и силой учителя родного языка, которая, например, еще и кружок самодеятельности в местном клубе для тех же родителей ведет. В других ситуациях позиция невмешательства администрации школы в этот процесс была обусловлена величиной, набираемой в первый класс параллели – есть возможность сформировать несколько классов с учетом выбора родного языка.

Значимым фактором, влияющим на позицию школьной администрации в этом вопросе, являются финансовые возможности школы. Так, наличие дополнительного финансирования из регионального бюджета учреждений образования позволяет делить классы на группы по изучению родного языка сообразно тому, как классы делят на группы в случае изучения иностранных языков. В последнем случае есть существенные региональные различия. Финансирование школ в современной России организовано по подушевому принципу, что имеет прямое значение для организации изучения родного языка. Если родитель как законный представитель учащегося написал заявление-согласие о том, что его ребенок будет изучать родной язык, то реализация этого права школой должна быть обеспечена. Однако, в случае если школа малокомплектна (а за пределами городов таковых немало) или количество выбравших конкретный язык меньше, чем нормативно установленная средняя численность класса, то у администрации возникает сложная дилемма: нарушать закон или искать источники финансирования. Такой ситуации, например, почти не возникает в Татарстане, где региональный бюджет субсидирует бюджеты школ на доплаты учителям, работающим в малокомплектных классах или с группами по изучению родного языка. И это длительная практика всех 2000–2010-х гг.¹.

Иной ситуация оказывается в Пермском крае, где в отдельных территориях Коми-Пермяцкого округа есть группы по изучению коми-пермяцкого языка, которые сформированы из учеников разных классов – 4-, 5-, 6-го. И даже они в количественном отношении не образуют полноценный класс. В этой ситуации учитель не только не получает компенсирующих доплат, но вынужден быть методически виртуозным в плане организации урока и/или брать дополнительную нагрузку по иным предметам, нередко по ОБЖ, физкультуре. Последнее едва ли способствует его профессионализации как учителя родного языка и нередко сказывается на профессиональной мотивации, что, в свою очередь, влияет и на мотивацию учеников изучать родной язык.

Во-вторых, были изменены учебные планы. Минимальными были коррективы в части выделения часов на родной язык в Удмуртии или Пермском крае. Например, в школах Коми-Пермяцкого округа на родной язык либо оставляли то же количество часов, что было до лета 2017 г. (2 ч. на родной язык и 1 ч. – на литературу), либо сокращали даже до 1,5 ч. на родной язык и литературу вместе.

В отличие от Татарстана², республиканские законы о языке в двух других республиках были приняты позднее. В Башкортостане закон был принят в 1999 г.³, а в Удмуртии – в 2001⁴. Отложенное почти на десятилетие принятие данного закона в Удмуртии стало результатом отсутствия и политической воли региональной элиты, и значимого запроса в сообществе. Хотя в Конституции Республики Удмуртия 1994 г. титульный язык был назван государственным (республиканским), но указание на его ко-официальность по отношению к русскому отсутствовало. Разработка регионального закона началась в 1995 г., но завершилась лишь к 2001 г., когда 6 декабря был принят закон, содержание которого в значительной степени повторяет диспозитивные нормы о применении государственных языков республик, указанные в тексте федерального закона «О языках народов Российской Федерации» 1991 г.

¹ Серия экспертных интервью в Татарстане, сентябрь 2019 г.

² О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан: Закон РТ от 08.07.1992 г. № 1560-ХП (с изменениями от 27.04.2017 г.).

³ О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан»: Закон Республики Башкортостан от 28 марта 2014 г. №75-з.

⁴ О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики (с изменениями на 10 апреля 2015 г.).

Ф.Гарипова прямо указывает на то, что причиной отсрочки принятия в Башкортостане закона о языке «стал спор между сторонниками государственного двуязычия и трехязычия» (Гарипова, 2014: 165). По оценкам экспертов, для Башкортостана с позднесоветских времен характерно противостояние не только по линии защиты башкирами своего языка по отношению к русскому, но и в отношении татарского, равно как и носителей татарского по отношению к башкирскому¹. Такое противостояние маркируется исследователями как языковой конфликт. Следует обратить внимание на то, что башкортостанский закон имеет отличное от удмуртского или татарстанского название. Если последние два гласят о «государственных языках и языках народов республики...», то в Башкортостане название закона «О языках народов Республики Башкортостан». Выбор, вероятно, такого варианта названия также есть следствие попыток если не преодолеть конфликт, то символически снизить его накал. Между тем введение в учебные планы башкирского языка как государственного сопровождалось постепенным вытеснением татарского языка, а в северо-западной части республики даже закрывались татарские школы². Это решение еще больше обострило ситуацию, усилив языковой конфликт между башкирами и татарами, которые выступили субъектом оспаривания языковой политики.

После того, как в 2010 г. М. Рахимов ушел в отставку с поста президента Башкортостана, было инициировано уменьшение количества часов, выделяемых на изучение башкирского языка как государственного в качестве обязательного, а в татарских школах (классах) вернули часы на татарский язык. Кроме того, тогда же в республике была введена практика написания заявления-согласия на изучение родного языка. И, как отмечают башкортостанские эксперты, введение этого правила в 2017 г. не было новым для региона и не меняло принципы работы системы. Эксперты отмечают, что «в Башкортостане задолго до лета–осени 2017 г. была введена «трехязычная формула»: русский + башкирский как государственный (1–2 ч.) + родной язык (на усмотрение участников образовательного процесса)». В 2017 г. в Башкортостане, в отличие от Татарстана, вопрос об изучении родных языков оказался в ведении муниципальных чиновников, более-менее свободных в выборе от региональных властей³, политические ресурсы и возможности которых меньше тех, чем обладают татарстанские региональные элиты. Примечательно, что наши информанты в территориях Татарстана, занимающие руководящие позиции в муниципалитетах (и главы администраций, и руководители местных отделов образования) в беседе демонстрировали не только доскональное знание ситуации с изучением языков, но и желание контролировать ситуацию в каждой конкретной школе, в т.ч. и в практике организации и проведения родительских собраний. Это, как минимум, сужает поле для маневра учителей и школьных администраторов. Однако и такой практике есть объяснение, укладываемое в логику функционирования системы политического патронажа и принципал-агентских отношений, при которой местные чиновники в обмен на ресурсы и патронаж как брокеры обеспечивают необходимые Казани политические результаты – от электоральных до контролируемой этнополитической мобилизации, а учителя и школьные администраторы выступают лояльной клиентелой по отношению к ним в обмен на финансирование, допуск к программам.

Ситуация в Башкортостане была и остается конфликтогенной, о чем свидетельствуют разнообразные эмпирические данные. Наши эксперты отмечают, что представители татарской и башкирской интеллигенции, лидеры общественного мнения в республике воспринимали и продолжают воспринимать ситуацию как собственный проигрыш в логике «игры с нулевой суммой»⁴. Согласно данным, агрегированным из ИНТЕГРУМ, количество упоминаний в прессе (и региональной, и федеральной) о языковых конфликтах в Татарстане и Башкортостане в 2015 и в 2017 г. различаются в разы. Если за весь 2015 г. в Башкортостане 25 упоминаний о конфликтных ситуациях в связи с башкирским языком и 17 – в связи с татарским. В 2017 г. – 103 и 88 соответственно. Рост в пять раз в обоих случаях. В Татарстане для 2015 г. зафиксировано 83 упоминания о конфликтах в связи с татарским языком, а в 2017 г. – 448, в связи с башкирским 10 и 66 соответственно. Однако, если в случае Башкортостана это в основном повестка региональная и находит отражение в региональной прессе, то в случае Татарстана – соотношение 50/50. Это, вероятно, косвенно указывает на то, что если языковой конфликт в Башкортостане носит затяжной внутрорегиональный характер, а Кремль и его политика выступают в качестве актуализирующего его контекста, то в случае Татарстана вопрос о языке инструментально попадает в повестку отношений республиканских властей с федеральным центром: от

¹ Серия экспертных интервью Уфа – Казань (сентябрь – октябрь 2020 г.) [личный архив автора].

² Гарифуллин И. Башкирский язык. Что дальше? (2017), *Idel.Realiz*, 31 августа (электронный ресурс). URL: <https://www.idelreal.org/a/bashkirskiy-yazik-v-bashkortostane-2017/28706980.html> (дата обращения: 02.09.2020).

³ Там же.

⁴ Серия экспертных интервью Уфа, сентябрь–октябрь 2020 г.

анонсированной и запущенной в реализацию модели трилингвального образования (проект М. Шаймиева) до заявлений действующего президента Минниханова 26 октября 2017 г. о том, что недопустимо «оказывать давление на директоров школ перед выборами президента России в 2018 году» и что прокурорам не следует в этой связи «затрагивать учебный процесс»¹.

Случаи обсуждения в СМИ языковых конфликтов в Пермском крае и Удмуртии похожи. Ни титульный удмуртский в Удмуртии, ни коми-пермяцкий в Пермском крае не становятся предметом споров, обсуждаемых в региональных и федеральных СМИ в 2015 и 2017 гг. При этом, в обоих случаях рост демонстрирует повестка о татарском языке и конфликтах вокруг него: в 17 и 10 раз увеличилось количество упоминаний в Республике Удмуртия и Пермском крае, соответственно. Каким образом это можно интерпретировать? Одно из возможных объяснений – влияние kin-республики: речь идет об эффектах целенаправленной на протяжении более чем десяти лет политики по поддержке татарского языка не только в Татарстане, но и за его пределами. Наши респонденты, учителя татарского языка, работающие в школах Пермского края, прямо указывали на то, что именно и прежде всего Татарстан поддерживает их методически и профессионально. В этом отношении поддержка со стороны Удмуртии экстраминимальна, а башкортостанские власти начали более системно обращать внимание на свои kin-группы только в 2018 г. в связи с принятием госпрограммы по поддержке государственных языков и языков народов Республики Башкортостан². Так, например, в 2020 г. между Пермским краем и Республикой было заключено соглашение о мерах по поддержке башкирского языка и культуры в Пермском крае³. В 2019–2020 гг. республиканское правительство выделяет средства в т.ч. и на проведение социологических исследований по оценке витальности башкирского языка за пределами Башкортостана⁴.

* * *

В современной России вопрос о языках остается политически значимым для регионов, особенно этнических республик. Но рационализация региональными элитами значимости вопроса о языке и языковых правах, восприятие широты своих возможностей и ресурсов, а также своей субъектности различно. Такая вариативность изначально обусловлена этнолингвистическими характеристиками сообщества, а также традициями межэлитных отношений как внутри региона, так и региональных элит с федеральным центром. На протяжении долгого времени сфера языковой политики была преимущественно «вотчиной» региональных властей, а вмешательство федерального центра носило спорадический характер, что также повлияло и на разнообразие в практиках и масштабах нормативного регулирования использования родных языков на региональном уровне. Символически жесткое вмешательство федерального центра стало «критическим моментом», запустившим перенастройку языковой политики в регионах. Однако и формы, и механизмы этой перенастройки, а также арены ее обсуждения и состав вовлеченных в этот процесс участников указывают на воспроизводство сложившихся моделей межэлитных отношений и паттернов использования вопроса о языке в политических спорах и взаимодействиях.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00763 «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

¹ Рустам Минниханов о проверках татарского языка: "Зачем директоров школ терроризировать?" (электронный ресурс) URL: <https://www.idelreal.org/a/rustam-minnikhanov-tatarskiy-yazik/28816845.html> (дата обращения: 06.11.2019).

² Государственная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» и внесение изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан (с изменениями на 15 января 2020 г.). Утверждена Постановлением Башкортостан" (с изменениями Правительства Республики Башкортостан от 17 августа 2018 г. № 395).

³ Интервью с экспертом Пермь, сентябрь 2020 г. [Личный архив автора].

⁴ Интервью с экспертом Пермь, ноябрь 2020 г. [Личный архив автора].

Библиографический список

- Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 408 с. [Brubaker, R. (2012) *Ethnicity without Groups* [Etnichnost' bez grupp]. Moscow, 408 p. (In Russ.)].
- Гарипова, Ф. (2014) 'Развитие законодательства о языках в Республике Башкортостан', в: *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире* / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. Москва, сс. 163–170. [Garipova, F. (2014) 'The development of language legislation in the Republic of Bashkortostan' In: Bitkeeva, A., et al. (eds.) *Language policy and language conflicts in contemporary world* [Razvitie zakonodatel'stva o yazykah v Respublike Bashkortostan], v: Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire]. Moscow, pp. 163–170. (In Russ.)].
- Мухарямов, Н. (2017) 'Политика языка и языковая политика' в: Семененко, И. и др. (ред.) *Идентичность: личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. Москва: Весь мир, сс. 691–699. [Muharyamov, N. (2017) 'Language politics and language policy' In: Semenenko I., et al. (eds.) *Identity: character, society, politics* [Politika yazyka i yazykovaya politika' v: Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' mir, pp. 691–699. (In Russ.)].
- Тишков, В. (2019) 'Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик)', *Полит. Политические исследования*, 3, сс. 127–144. [Tishkov, V. (2019) 'Language Situation and Language Policy in Russia (Revising Categories and Practices)' [Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategorij i praktik)], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 127–144. (In Russ.)].
<https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>.
- Cardinal, L. & Sonntag, S. (2015) 'State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy', *European and Regional Studies*, 8, pp. 5–21.
- Liu, A. (2015) *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Информация об авторе

Борисова Надежда Владимировна – кандидат политических наук, декан историко-политологического факультета ПГНИУ. E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Статья принята к печати: 30.10.2020

THE QUESTION ON MOTHER TONGUE IN MULTIETHNIC REGIONS OF RUSSIA:
CONFLICT POTENTIAL AND VARIABILITY OF LANGUAGE POLICY

N. V. Borisova
Perm State University

Abstract

Ethnolinguistic complexity may manifest itself in the presence of groups of significantly different sizes or in the presence of two or more roughly similar groups in terms of size. Coupled with their uneven spatial distribution within the boundaries of the region, it is a potential factor influencing not only the practices and structure of inter-elite relations but also the politicization of ethnicity. The presented research is based on R. Brubaker's approach to understanding ethnicity as a discursive result of situational actions, design and implementation of various political projects, not necessarily related to the sphere of ethnolinguistic regulation, and even random events. The author, also, uses N. Mukharyamov's idea of the interconnectedness of "language politics" and "language policy". The article presents you with an explanation of the connection between the structural factors of the scale of recognition of the minority language and the subject composition of the language policy, as well as the strategies of language conflicts at the regional level in Tatarstan, Bashkortostan, Udmurtia and the Perm region.

Keywords: language policy; language politics; Tatarstan; Bashkortastan; Udmurtia; Perm region; language conflict.